

ГУМАНИТАРНЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

Карякин В.В.

DOI: 10.7256/2305-560X.2015.2.12747

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАПАДНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА: ОТ ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА К ГУМАНИТАРНЫМ ИНТЕРВЕНЦИЯМ

Аннотация: Выступление посвящено вопросам трансформации взглядов на миротворческую деятельность ООН, характерной особенностью которой является появление «гуманитарных интервенций» как новой формы проведения миротворческих операций. Как и многие другие процессы и явления, вызванные глобализацией, она сочетают в себе как позитивные моменты, так и такую негативную черту «приватизация» подобных акций со стороны США и НАТО, которые пытаются создать обособленную правовую базу для проведения подобных операций, не только противоречащую общепризнанному международному законодательству, но и зачастую игнорирующего его. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-политический, геополитический и культурно-цивилизационный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, наблюдения. Глобальная трансформация международных отношений в конце XX – начале XXI веков привела к изменению концептуальных подходов к проблемам международной безопасности. Прекращение «холодной войны» активизировало противоречия, искусственно сдерживаемые до этого усилиями двух сверхдержав. Преодолев непосредственную угрозу глобального конфликта между противостоящими военно-политическими блоками: НАТО и странами Варшавского договора, мировое сообщество столкнулось с опасностью разрастания непредсказуемых по своим последствиям и трудно контролируемых вооруженных конфликтов на межэтнической и конфессиональной почве в различных регионах планеты.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, миротворчество, гуманитарные интервенции, дипломатия, принуждение к миру, ООН, США, интересы, безопасность.

Введение

Характерной чертой современных конфликтов стала их трансформация из области межгосударственных отношений во внутригосударственную. Поводом для них всё чаще становится сепаратизм, этнический и конфессиональный антагонизм, усугубляемые террористической активностью радикально настроенных элементов и кризисными явлениями в общественной жизни и экономике данного государства. Эти конфликты, как правило, сопровождаются гибелью гражданского населения, распадом экономических и общественных связей и отношений, разрушением хозяйственной инфраструктуры государств, грубыми нарушениями прав человека. Всё это обусловило возрастание роли и сложности задач, решаемых в рамках миротворческой деятельности, что потребовало пересмотра концепции использования вооруженных сил для проведения миротворческих операций.

На протяжении всей истории существования ООН главной задачей данной организации

было поддержание международной безопасности и стабильности, уменьшение напряженности и предотвращение конфликтов. ООН принадлежит «авторство» во внедрении в международную практику таких нововведений как операции по поддержанию мира, гуманитарные операции, миссии добрых услуг, миссии по наблюдению и установлению актов агрессии, постконфликтное государственное строительство, которые сформировали такое обобщённое понятие как «миротворческая деятельность».

Анализ тенденций в области международно-правового регулирования миротворчества

В соответствии с Уставом ООН поддержание международного мира и безопасности строится на основе следующих норм и принципов международного права¹:

¹ Лукашук И.И. Международное право. М.: Издательство БЭК, 1999, с. 138.

1. Принцип международного императива, под которым подразумевается обязательность соблюдения норм международного права, относящихся к сфере взаимодействия между государствами при разрешении противоречий и конфликтующими сторонами. Под этим понимают совокупность юридических норм при ведении войн и вооруженных конфликтов, запрещающих использование определенных средств и методов ведения вооруженной борьбы, обеспечивающих защиту прав человека и устанавливающих международно-правовую ответственность государств и уголовную ответственность физических лиц за их нарушение.

2. Принцип тактически обоснованного и целесообразно ограниченного использования военных сил и средств в процессе миротворческой деятельности.

3. Принцип приоритета мирных политических форм разрешения конфликтов и превентивной дипломатии в миротворческой деятельности.

4. Принцип суверенитета и территориальной целостности субъектов конфликтного процесса.

5. Принцип доброй воли и согласия в стремлении конфликтующих сторон к установлению мира.

Следует отметить, что за время существования ООН механизм организации и управления миротворческими операциями не отвечает современным политическим реалиям. Существовавшие до настоящего времени принципы миротворчества оказались размытыми, а новые стандарты ещё не разработаны. До пор по каждой операции выносятся отдельные решения СБ ООН и формируется особый механизм управления с учётом специфики её проведения. Отсутствуют четкие критерии для применения миротворческих сил, а сам термин «миротворчество» не отражен в Уставе ООН. Политика в данной области формируется на основе существующих прецедентов и в рамках ограничений, накладываемых Уставом ООН².

Установленный после окончания Второй мировой войны международный порядок строился на принципе невмешательства, который был закреплён в Уставе ООН. Более того, в рамках существующего в то время международного права, вмешательство не признавалось даже по гуманитарным причинам.

В настоящее время ситуация изменилась. Возобладала точка зрения расширения круга миротворческих функций ООН в пользу силовых мер принуждения и отказа от невмешательства. Было

принижено требование согласия противоборствующих сторон как предпосылке организации и проведения миротворческой операции. Эта идея, активно навязываемая странами Запада, нашла поддержку у Генерального секретаря и исполнительных органов ООН. Однако её не поддерживают страны «третьего мира», видящие в этом инструмент для смены неугодных режимов и поддержки оппозиционных сил, вдохновляемых и спонсируемых Западом. Это говорит о том, что с правовой точки зрения отказ от принципа невмешательства носит спорный характер, так как имеет целью ревизию Устава ООН и создаёт угрозу суверенитету государств, неугодных США и их союзникам.

Отвечая критикам данного подхода, руководство Организации Объединённых Наций утверждает, что вопросы миротворческой деятельности решаются на основе координации политических и военных усилий сторон в урегулировании конфликтных ситуаций, используя правовые нормы, заложенные в главах VI и VII Устава ООН³. В данных статьях ООН имеет право на проведение военных операций в отношении государств, создающих угрозу международной безопасности, в настолько широком толковании, что миротворческие операции зачастую принимают такую форму агрессии как «гуманитарная интервенция», что и было продемонстрировано в отношении Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии.

Очевидно, что для снижения влияния США и стран НАТО в институтах ООН является целесообразным передать функции миротворчества региональным организациям, которые, имея значительную самостоятельность в решении данного вопроса, должны действовать в соответствии с Уставом ООН в части статьи 54, в которой сказано, что Совет Безопасности ООН должен постоянно и в полной мере информироваться о действиях, предпринимаемых или планируемых региональными организациями, действующими в соответствии с соглашениями, подписанными для поддержания международной безопасности.

В основе документов, регулирующих миротворческую деятельность, лежит её **классификация**, изложенная в ряде документов ООН и включающая пять основных типов операций⁴:

– превентивная дипломатия – это действия, на-

² Гришаева П. Кризис миротворчества ООН // Обозреватель – Observer. 2008, №4, с. 47-58.

³ Доклад Генерального секретаря о работе Организации Объединённых Наций. 2009. <http://www.un.org/russian>

⁴ Заемский В.Ф. Теория и практика миротворческой деятельности ООН. М.: МГИМО (У), 2008, с. 57.

правленные на ослабление напряженности до того, как эта напряженность перерастает в конфликт. Если же конфликт начался, то необходимо принятие незамедлительных мер по его сдерживанию и устранению причин, лежащих в его основе. В основе превентивной дипломатии лежит принцип установления доверия, как между конфликтующими сторонами, так и к стороне, участвующей в урегулировании конфликта. Данная концепция предусматривает возможность превентивного развёртывания сил ООН и, при необходимости, создание демилитаризованных зон;

- установление мира, которое предполагает осуществление действий способствующих восстановлению национальных институтов и инфраструктуры, разрушенных в ходе гражданской войны. В практическом плане это подразумевает выявление и поддержку структур, которые будут склонны участвовать в государственном строительстве.

Установление мира, способствование его поддержанию – это процесс урегулирования разногласий и разрешения проблем, имеющих место в данном конфликте, путём посреднической деятельности, переговоров или других форм мирного урегулирования ситуации. Поддержание мира предполагает ведение небоевых военных операций (кроме случаев самообороны миротворческих сил), которые предпринимаются с согласия конфликтующих сторон внешними силами и предназначены для содействия заключению перемирия и контроля за его исполнением. Эти действия можно иначе назвать как действия по поддержанию перемирия или соглашения по прекращению огня.

Операции по установлению мира и его поддержанию (peace making) проводятся по взаимному согласию противоборствующих сторон и, как правило, по их просьбе в тот момент, когда они самостоятельно или под внешним воздействием решают прекратить военные действия и нуждаются для этого в помощи международного сообщества и коллективных международных миротворческих сил. Целью их является, прежде всего, содействие в прекращении военных действий и организация мирного переговорного процесса⁵.

Операции по поддержанию мира (peace-keeping) проводятся по согласованию всех или одной из сторон конфликта и делятся на две группы.

В первую входят операции, являющиеся практическим продолжением операций по установлению мира, когда, после достижения соглашения о перемирии, начинаются переговоры о мирном урегулировании конфликта. Вторую группу составляют акции, проводящиеся для реализации ранее достигнутого соглашения. В этом случае целью операции по поддержанию мира, в том числе и её военной стороны, является непосредственное обеспечение выполнения соглашения всеми вовлечёнными в конфликт сторонами;

Операции по принуждению к миру стали в настоящее время главной формой проведения миротворческих операций. Целью данной формы является силовое принуждение одного или нескольких участников конфликта к выполнению международных резолюций или санкций. Эта форма миротворческой деятельности не предусматривает обязательного согласия сторон на использование миротворческого контингента.

При этом необходимо ясно представлять разницу между принуждением к миру и операциями по поддержанию мира. Принуждение к миру осуществляется против воли государств, вовлечённых в конфликт, тогда как операции по поддержанию мира проводятся с согласия государства или группы государств. В процессе осуществления операций данного вида могут использоваться меры насильственного характера: разоружение незаконных военных формирований, борьба с повстанцами, но это должно проводиться с согласия государства, на территории которого проводится эта операция. Поэтому такие меры не могут классифицироваться как принудительные.

Операции по принуждению к миру (peace enforcement operations) представляют собой реальное применение вооружённых сил, или угрозу такого применения, для того, чтобы заставить противоборствующие стороны прекратить боевые действия и приступить к установлению мира. Характерной особенностью их является то, что они могут включать в себя действия как по разъединению и разоружению всех участвующих в конфликте сторон, так и действия против той стороны, которая не желает подчиниться требованиям о прекращении огня⁶.

На практике провести чёткую грань между вышеперечисленными акциями довольно сложно, поскольку все они, так или иначе, связаны с применением вооружённых сил. Это объясняется тем

⁵ Мелков Г.М. Международное право в период вооружённых конфликтов. М.: Издательство БЭК, 2006, с. 133.

⁶ Заемский В.Ф. Теория и практика миротворческой деятельности ООН. М.: МГИМО (У), 2008, с. 97.

обстоятельством, что кроме выполнения сугубо военных задач, миротворческие силы выполняют многие другие задачи, которые в совокупности не охватываются термином «миротворческие операции», которого не существует в Уставе ООН, а правовой основой миротворческих операций являются положения глав VI и VII Устава ООН.

Это свидетельствует о том, что сложившаяся нормативно-правовая база международного миротворчества ООН весьма далека от совершенства, что является причиной неспособности ООН эффективно решать проблемы безопасности, связанные с поддержанием международного мира⁷.

Концепция «расширенного миротворчества» как решение задачи «плавного перехода» от традиционного миротворчества к насильственному установлению мира

В конце XX века сложилась новая ситуация, связанная с распадом СССР и мирового социалистического лагеря. В подходах ООН, ОБСЕ и НАТО обозначилась тенденция, которую обобщенно можно выразить как признание за странам Запада особых прав и обязанностей брать на себя ответственность за обеспечение всеми средствами, включая силовые, мира, правопорядка и прав человека в тех государствах, которые, по их мнению, не в состоянии обеспечить национальными средствами соблюдение норм демократии и прав человека. Этот принцип был юридически оформлен на юбилейной сессии НАТО в мае 1999 г. и получил название принципа «законного совместного международного интервенционализма» или принципа «гуманитарной интервенции»^{8,9}. В соответствии с данным принципом предполагается возможность и необходимость нарушения суверенитета любой страны для обеспечения в данной стране прав и свобод человека, закреплённых в международном праве¹⁰.

Если проследить истоки появления концепции «гуманитарной интервенции», то следует отметить, что она ведёт начало от британской доктрины «Расширенного миротворчества», изложенной в начале 1990-х гг. британском полевом уставе¹¹.

В этой доктрине традиционные миротворческие операции по-прежнему определяются как «операции, осуществляемые при согласии враждующих сторон, для поддержки усилий по восстановлению или поддержанию мира, в целях обеспечения безопасности и сохранения человеческих жизней в районах потенциальных или реальных конфликтов»¹². Операции по принуждению к миру (peace enforcement), осуществляемые «в отсутствие согласия всех или некоторых сторон на вмешательство и сопровождаемые вооруженным сопротивлением», также включаются в систему категорий миротворческих операций, но между ними помещается такое понятие, как «расширенное миротворчество», которое трактуется как «миротворческие операции, проводимые с согласия конфликтующих сторон, но во враждебной среде»¹³.

На протяжении 1990-х гг. дебаты об определении и типологии миротворчества вышли из кабинетов учёных в область практической реализации. Так в определении миротворчества, принятом в 1994 г. в НАТО, уже отсутствует упоминание об условии согласия всех конфликтующих сторон на проведение операции. Миротворческие операции были сформулированы как «сдерживание, ограничение и/или прекращение враждебных действий между государствами или внутри государства посредством вмешательства нейтральной международной «третьей силы» с использованием военного или гражданского персонала для оказания содействия политическому процессу разрешения конфликта, восстановления и сохранения мира»¹⁴.

Данная доктринарная установка НАТО утверждала подход, согласно которому международное сообщество может и должно вмешиваться и восстанавливать мир, навязывать мир, в том числе силовыми средствами, если начавшийся конфликт настолько серьёзен, что угрожает международному миру и безопасности.

Впервые этот принцип был применён в полном объёме в 1999 г. в ходе военной операции НАТО против суверенной Югославии, которая решала внутренний вопрос подавления албанского сепаратизма в Косово. Эта операция фактически похоронила принцип государственного суверенитета,

⁷ Гришаева Л. Кризис миротворчества ООН // Observer. 2008, № 4, с. 47-58.

⁸ Модин Н. «Гуманитарная интервенция» как метод регулирования международных конфликтов. М.: 2003, с.15.

⁹ NATO Handbook: The Strategic Concept of the Alliance. 1999.

¹⁰ The Universal Declaration of Human Rights. 1948.

¹¹ Wider Peacekeeping. Army Field Manual. UK Army Doctrine Publications. Various editions 1992-1996.

¹² Dobbie Ch. A Concept for Post-Cold War Peacekeeping. // Survival, vol. 36, No. 3, Autumn 1994, p. 122.

¹³ Там же.

¹⁴ NATO Doctrine for Peace Support Operations. Unclassified Draft, NATO HQ, 28, 28 Feb. 1994.

который являлся фундаментом международных отношений в течение 350 лет, что явилось следствием нарушения глобального баланса сил после поражения СССР в «холодной войне»¹⁵.

Проблема нейтральности миротворческих контингентов, их цели и решаемые задачи

В современной миротворческой практике считается нормальным привлечение международных воинских контингентов на любых этапах вооруженного конфликта, в том числе и без согласия конфликтующих сторон. При этом «классическая роль» исполнителя миротворческой операции – это роль «третьей силы», нейтрального, непосредственно незаинтересованного в победе одной из сторон конфликта субъекта международной политики. Однако следует констатировать, что в политической практике абсолютная нейтральность недостижима. Поэтому требование нейтральности участника миротворческого процесса приходится заменять на другое, более «мягкое» определение: субъект миротворческих действий должен оставаться внешней по отношению к сторонам конфликта силой, для которой урегулирование и прекращение самого конфликта приоритетнее, чем достижение каких-либо как собственных, так и политических целей любой из сторон конфликта¹⁶. Но всё это относится к области теории миротворчества. На практике вооруженные силы США и НАТО, действуя в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН, поддерживали одну из сторон вопреки существующим критериям миротворчества (как это было в Югославии, Сомали и Ливии), а также использовали тяжелое вооружение, бронетехнику и авиацию. Если ранее мандатом ООН предписывалось строгое ограничение применения миротворческих сил самообороной, то сейчас практикуются такие формулировки как «превентивная оборона», «преследование», «вытеснение», «установление бесполётных зон», участие сил специального назначения в поддержке одной из сторон конфликта, снабжение одной из сторон конфликта вооружением и привлечение инструкторов для организации боевых действий.

Обобщая сказанное, можно определить миротворческую операцию как действия, спланированные по задачам, месту и времени одним или

несколькими акторами международной политики, действующих как в рамках Устава ООН и в соответствии с резолюциями СБ ООН, так и при их расширительном понимании, или по решению региональных организаций, действующих также в соответствии с Уставом ООН, направленные на урегулирование международных или внутригосударственных конфликтов.

Целями миротворческой деятельности можно определить следующие¹⁷:

- предотвращение конфликтов, куда входят действия по раннему предупреждению, разведке и наблюдению за развитием кризиса, стабилизирующие дипломатические меры и превентивное развёртывание вооруженных сил;
- принуждение одной или нескольких сторон к прекращению насильственных действий, заключение мирного соглашения между противоборствующими сторонами, а также защита территории страны и её населения от агрессии;
- изоляция территории, на которой действует одна или несколько конфликтующих сторон, от внешнего мира, а также, если того требует обстановка, обеспечение свободного выхода из конфликтного региона беженцев и перемещённых лиц или возвращение их к местам постоянного проживания;
- наблюдение за развитием посткризисной ситуации, сбор и обработка информации об остановке и доведение её до управляющей инстанции;
- оказание гуманитарной помощи населению в районе конфликта. Сюда также входят меры по спасению пострадавших, охране объектов инфраструктуры и гуманитарных грузов, возвращение беженцев и перемещённых лиц, экономическая и социальная помощь пострадавшему гражданскому населению;
- операции по демобилизации, которые включают действия по разъединению, отводу с боевых позиций, разоружению и расформированию вооруженных формирований сторон, ранее участвовавших в конфликте. Такие операции могут включать широкий спектр социальной помощи бывшим комбатантам по их реабилитации, возвращению к мирной жизни и выполнению социальных функций;
- операции военной поддержки проводятся для обеспечения с помощью миротворческих

¹⁵ Макфарлей Н.С. Многосторонние интервенции после распада биполярности // Международные процессы. 2008, № 1, январь-февраль.

¹⁶ Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: ИГ «Navona», 2009, с. 20.

¹⁷ Dobbie Ch. A Concept for Post-Cold War Peacekeeping. // Survival, vol. 36, No. 3, Autumn 1994, p. 122.

сил безопасных условий передачи власти под международным контролем от одних политических сил или органов другим, а также для реформирования вооруженных сил и вооруженных формирований, участвовавших в конфликте, под задачи мирного времени. К данному типу операций относятся полицейские операции по обеспечению законности и порядка.

Основными задачами, выполнение которых в рамках миротворческой операции может быть возложено на контингенты привлекаемых для этого вооруженных сил, являются:

- наблюдение и контроль за соблюдением условий перемирия и прекращением огня;
- превентивный ввод войск в район потенциального конфликта, с принудительным разведением сил противоборствующих сторон;
- восстановление и поддержание порядка и стабильности;
- обеспечение охраны гуманитарных конвоев;
- организация прохода через пункты контроля на линиях разделения сторон, установление запретных зон и контроль за ними;
- контроль за соблюдением режима санкций.

«Гуманитарная интервенция» как новая миротворческая философия Запада

Следует отметить, что активное привлечение к миротворческим операциям структур НАТО привело к фактической потере реального контроля со стороны ООН за их проведением. В последние годы всё большее количество миротворческих операций стали принимать форму гуманитарных интервенций при навязанном лидерстве США в военном контингенте ООН. Именно это характеризовало большинство операций ООН в 1990-х годах от Сомали до Косова. Вторгшись в Косово в роли защитников гуманитарных принципов, Соединённые Штаты противопоставили свою агрессивную политику основополагающим принципам миротворчества ООН¹⁸.

В последнее время данная тенденция получила закрепление, выразившееся в попытках исполнительных структур ООН и при поддержке некоторых постоянных членов СБ ООН вывести миротворческие силы из под непосредственного управления Советом Безопасности, напрямую

подчинив их Генеральному секретарю ООН. В этой связи в настоящее время идёт активная проработка новых подходов к формированию воинских контингентов для выполнения миротворческих задач. Так, согласно одной из предложенных концепций выдвигается идея формирования постоянного военного контингента (иными словами, сил быстрого реагирования), находящегося в распоряжении ООН, члены которой должны предоставлять национальные вооруженные формирования в распоряжение Совета Безопасности как на периодической, так и на постоянной основе. Однако при этом имеются возражения против такого выделения сил, основанные на двух причинах: большие финансовые затраты на их содержание и недостатки в организации управления и использования миротворческих контингентов.

Решение на проведение миротворческой операции принимается Советом Безопасности (в виде исключения – Генеральной ассамблеей) в тех случаях, когда политические, экономические, дипломатические и иные меры, направленные на поддержание международного мира и безопасности в том или ином регионе, оказываются неэффективными. Предложение о подготовке операции может выдвигаться одним или несколькими государствами – членами ООН или её Генеральным Секретарём. Правовой основой для проведения каждой операции являются резолюции СБ ООН, санкционирующие её проведение и определяющие её мандат. Фактически в процессе планирования, развёртывания и проведения миротворческих операций СБ ООН действует в рамках так называемого «прецедентного права». Это означает, что при разработке мандата на проведение операции учитывается предыдущий опыт и конкретные условия того или иного конфликта, что определяет объём выделяемых для этого людских и материальных ресурсов¹⁹.

Согласно статье 24 Устава ООН на Совет Безопасности возложена главная ответственность за поддержание мира. Он является единственным органом ООН, который обладает правом предпринимать превентивные или принудительные действия от имени ООН, в том числе и с применением вооруженных сил. В статье 43 Устава ООН определяется порядок предоставления государствами-членами ООН в распоряжение Совета Безопасности необходимых контингентов вооруженных сил и

¹⁸ Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М.: Издательство БЭК. 2006, с. 8.

¹⁹ Заемский В.Ф. Ключевые вопросы реформы ООН // Мировая экономика и международные отношения. 2008, № 7, с. 3-13.

средств их обслуживания на основании соглашений СБ с данными государствами. Все вопросы, связанные с планированием, подготовкой и проведением миротворческих операций под эгидой ООН возложены на Секретариат, в котором ключевую роль играет созданный в 1992 г. Департамент по операциям по поддержанию мира (ДПКО)²⁰.

Опыт проведения миротворческих операций последних десятилетий выявил некоторые тенденции современного миротворческого процесса, которые можно сформулировать в следующем виде:

- в миротворческой деятельности произошло смещение акцентов от операций по установлению мира и принуждению к миру к гуманитарным интервенциям, что полностью совпало с потребностью Соединённых Штатов обеспечить НАТО новой военной доктриной после окончания «холодной войны», которая позволила бы Альянсу обрести новое дыхание и расширить своё влияние;
- имеет место тенденция на установление сотрудничества с региональными организациями по урегулированию региональных кризисов. Известны примеры взаимодействия ООН с НАТО, ЕС и ОБСЕ во время проведения операции в Югославии, с Организацией американских государств во время гуманитарной интервенции на Гаити, в Сомали и Западной сахаре с ОАЕ, в Грузии с ОБСЕ, в Таджикистане – с СНГ. Однако характерной чертой вышеперечисленных операций было доминирование при их проведении государства-лидера. Тем не менее, взаимодействие ООН с региональными, международными и неправительственными организациями носит, в целом, аморфный характер. Причиной этому является неопределённость в понимании того, какие функции следует делегировать региональным организациям и коалициям²¹;
- миротворческие операции становятся многофункциональными по решаемым задачам и многокомпонентными по составу привлекаемых участников. Так для решения миротворческих задач в последние годы привлекаются международные коалиционные группировки войск, в том числе государств не членов НАТО;

- привлечение существующих или создание новых органов исполнительной власти для постконфликтного урегулирования в стране или государственного строительства на новых политических принципах;
- трансформация военных доктрин государств под влиянием применения вооруженных сил для урегулирования конфликтов в форме «гуманитарных интервенций».

В 1999 г. термин «гуманитарная интервенция» вошел в лексикон государственной политики США и Великобритании в канун юбилейного саммита НАТО. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр впервые использовал его для определения будущей политики НАТО на Балканах²². В основу концепции был положен тезис о том, что гуманитарная катастрофа не может считаться чисто внутренним делом того или иного государства и что международное сообщество не только «не вправе», но даже обязано «решительно вмешаться» в подобные гуманитарные кризисы для их «оперативного выправления»²³.

Основной проблемой при принятии решения на проведение гуманитарных интервенций является отсутствие чётких юридических правил. Но после операции в Югославии эта необходимость уже не кажется такой насущной. Примером этому является война, развязанная Соединёнными Штатами в Ираке. Военная операция в Ираке с целью смещения политического режима С. Хусейна создало прецедент в кодификации данного явления с точки зрения норм международного права, который, тем не менее, так и не получил своего разрешения.

В связи с этим канадский исследователь С. Нил Макфарлей пишет, что большинство миротворческих и гуманитарных операций проводится скорее по причинам национальных интересов, а не в соответствии с нормами международного права²⁴. Очевидно, что изменение этих норм является одним из самых сложных и длительно решаемых вопросов мировой политики. Однако это не даёт права отдельным государствам принимать самостоятель-

²⁰ Департамент ООН по поддержанию мира. <http://www.un.org/russian>

²¹ Responsibility to Protect. Report of the international commission on intervention and state sovereignty. New York, 2004.

²² Модин Н. «Гуманитарная интервенция» как метод регулирования международных конфликтов. М.: 2003.

²³ Нужен всеобъемлющий подход к кризисным ситуациям. На вопросы журнала «Европа» отвечает Хавьер Солана, Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности // Европа, 2000, № 5.

²⁴ Макфарлей Н.С. Многосторонние интервенции после распада bipolarности // Международные процессы. 2008, № 1, январь-февраль.

ные решения об организации подобных операций. Основным препятствием здесь является суверенитет. В Хартии ООН национальный суверенитет государств-членов поставлен выше защиты прав человека. Однако в сентябре 1999 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил, а в 2001 г. подтвердил, что принцип суверенитета может быть преодолен гуманитарной интервенцией в случае массовых нарушений прав человека^{25,26}. По мнению Генерального секретаря, Хартия ООН является достаточно гибкой, чтобы допускать такое толкование. Об этом говорит Статья 1 Хартии, текст которой может быть истолкован так, что в определённых ситуациях допускается военное вмешательство²⁷, а препятствие для обоснования гуманитарных интервенций, представленное в параграфе 2 статьи 1 Хартии, пункт 4 которой гласит: «все государства-участники должны воздерживаться от угрозы применения силы или её использования, которые нарушают территориальную целостность или политическую независимость любого государства», может быть преодолено с помощью следующего пункта 5 той же статьи, в котором даётся расширительное толкование предыдущего пункта 4: «все государства-члены ООН должны оказывать всяческую поддержку любым действиям, предпринимаемым в соответствии с настоящей Статьёй, и не оказывать помощь любому государству, против которого ООН предпринимает превентивные или силовые меры воздействия». Закрепляет вышеуказанные положения пункт 6 Статьи 1, который гласит: «государства, не являющиеся членами ООН, должны действовать в соответствии с изложенными принципами в целях поддержания международного мира и безопасности».

Таким образом, Хартия ООН, с одной стороны, не допускает вмешательства во внутренние дела государств даже если они не являются членами ООН и участниками международных договоров, а с другой стороны, ООН присваивает себе право применять силовые меры воздействия к любой стране, которая создаёт угрозу миру и международной безопасности и никто не вправе оказывать помощь таким государствам. Положение усугубляется ещё более, если госу-

дарство подписывает Всемирную декларацию прав человека, то в таком случае эта область перестаёт подлежать исключительно внутренней юрисдикции конкретного государства и переходит под контроль ООН со всеми вытекающими последствиями.

В унисон вышесказанному во Всемирной декларации прав человека 1948 г. декларируется «признание неотъемлемого достоинства и равных и неотчуждаемых прав человека как основы свободы, справедливости и мира во всём мире»²⁸, что также может приниматься в качестве обоснования возможности проведения гуманитарных интервенций без санкции СБ ООН в тех случаях, когда Совет Безопасности не может в силу определённых причин принять действенные меры.

Законность и характер использования вооруженной силы в интересах коллективной системы безопасности с целью защиты фундаментальных прав человека определяются в свете положений Устава ООН²⁹. В статье 2 пункт 4 Устава ООН говорится: «все участники должны воздерживаться от угрозы или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства, равно как каких-либо других действий, несовместимых с целями ООН». Как видно, это полностью соответствует содержанию пункта 4 параграфа 2 статьи 1 Хартии ООН. При этом статья 51 Устава утверждает «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону», а статья 42 Устава подтверждает использование вооруженной силы Советом Безопасности в том случае, если Совет решит на основе статьи 39 Устава, что ситуация «представляет угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии». Как видно, только Совет Безопасности является единственным органом в системе коллективной безопасности, наделённым правом решать какие меры могут быть предприняты в соответствии со статьями 41 и 42 устава для укрепления или восстановления мира и безопасности.

Содержание Устава ООН говорит о том, что правовых барьеров для проведения гуманитарных интервенций не существует. Так, если в параграфе 7 статьи 2 заявлено, что «ничто, содержащееся в данном Уставе, не должно давать право ООН вмешиваться в дела по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства», то в главе 7 это положение нивелируется.

²⁸ The Universal Declaration of Human Rights. 1948.

²⁹ Устав ООН. <http://www.un.org/ru/doc>

²⁵ Luttwak E. Kofi's Rule. The National Interest, winter 1999/2000, No 58.

²⁶ Аннан К. Обновление Организации Объединённых Наций: программа реформы. Доклад Генерального секретаря на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк: Изд. ООН, 2001.

²⁷ United Nations Charter. 1948.

У Совета Безопасности есть два пути использования вооруженной силы в рамках статьи 42: он может санкционировать проведение миротворческой операции или же может дать согласие государствам-членам ООН самим прибегнуть к использованию вооруженной силы. Это говорит о том, что СБ ООН не проводит гуманитарные интервенции самостоятельно, силами своих миротворческих контингентов, Совет только санкционирует проведение военных операций странами-членами ООН. Но эти «гуманитарные» вмешательства в последние годы принимают форму вооруженной агрессии, где интервенты действуют не против разрозненных вооруженных отрядов, а против правительственных вооруженных сил, как было на Балканах, в Ираке и Ливии^{30,31}.

Свои подходы к проблеме гуманитарного вмешательства, отличные от узаконенных ООН, практикуют ведущие страны НАТО во главе с США, которые пытаются де-факто юридически закрепить вмешательство во внутренние дела суверенных государств с использованием гуманитарных предлогов, как это было сделано в официальных документах Североатлантического альянса, принятых на саммите в Вашингтоне в апреле 1999 г.³² в разгар войны против Югославии. Эти решения, вопреки Уставу ООН, предоставляют НАТО право на «гуманитарную интервенцию» в любую страну мира в случае, если Альянс сочтёт, что там нарушаются права человека. При этом обоим терминам «права человека» и «гуманитарная интервенция» в Вашингтоне могут придавать сколь угодно расширительные значения, что объясняется это следующими причинами:

- во-первых, Соединённые Штаты не намерены уступать лидерство в военной сфере на фоне намечающейся конкуренции с Евросоюзом, проводящим свою политику в области безопасности и обороны и создания сил быстрого развёртывания для реагирования на возникающие кризисные ситуации в жизненно важных регионах, к которым они относят также территории Кавказа и Центральной Азии;
- во-вторых, Соединённые Штаты в результате непрекращающихся войн на Ближнем и Сред-

нем Востоке обеспечили себе не только постоянное военное присутствие в этом регионе, но и практически установили контроль над всей стратегически важной военной инфраструктурой от Ливии до Афганистана;

- в-третьих, США в результате проведения «гуманитарных» войн извлекают для себя немалую финансовую и экономическую выгоду за счёт «диспетчеризации» потоков капиталов и энергетических ресурсов с целью создания благоприятной для экономики США конъюнктуры и конкурентной среды.

Таким образом, вооруженные акции под гуманитарными предлогами, предпринятые в последние годы США и их союзниками по НАТО без санкций СБ ООН или при расширительном их толковании, являются откровенными нарушениями действующего международного права. В целом, концепция «гуманитарной интервенции» в настоящее время используется ведущими странами Запада для прикрытия необоснованного вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Что касается России, то она, являясь членом СБ ООН, несёт ответственность за поддержание международного мира и безопасности и тем самым призвана участвовать в международных миротворческих усилиях. В этом плане Россия располагает значительными политическими возможностями по оказанию влияния на решения ООН в данной области. Статус постоянного члена Совета Безопасности ООН даёт ей возможность блокировать любые решения данной организации, которые могут создать угрозу безопасности и национальным интересам России. В Военной доктрине РФ миротворческие операции рассматриваются в качестве одной из форм применения Вооруженных Сил.

Что касается миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве, то практика её участия имеет следующие особенности:

- как показывает опыт, на российские вооруженные силы ложится основная нагрузка в проведении миротворческих миссий в рамках СНГ;
- при решении миротворческих проблем на постсоветском пространстве имеет место региональное разделение интересов стран СНГ по группам, которые формируются на основании оценки руководством каждой страны важности решения существующих проблем в плане национальных интересов своих государств. Страны-члены СНГ неохотно идут на предоставление своих воинских контингентов для совместного с Россией участия в миро-

³⁰ Seymour R., Lewis E. A Humanitarian Intervention? // New life project, 20 March 2011. http://www.newlifeproject.org/index.php/site/article_comments/a_humanitarian_inretvention

³¹ Hodgson J. Libya, Arab Democracy and Western Policy // Open Democracy. March 2011.

³² NATO Handbook: The Strategic Concept of the Alliance. 1999.

творческих операциях, если это напрямую не затрагивает их жизненно важные интересы. На практике это выражается в участии только тех стран, которые находятся в географической близости от района конфликта;

- участие ООН и других международных организаций в миротворческой деятельности на постсоветском пространстве не отличается масштабностью и решительностью в обеспечении безопасности и носит, как правило, исключительно представительский характер. В ближайшей перспективе намерения региональных организаций в активизации миротворческих усилий не просматриваются;
- к особенностям миротворческих операций на территориях новых независимых государств относится возможность привлечения в ряде случаев воинских контингентов противоборствующих сторон.

Вышеперечисленные факторы осложняют участие российских Вооруженных Сил в миротворческих операциях на постсоветском пространстве, что порождает ряд серьёзных политических проблем:

- отсутствует принятая в рамках СНГ концепция миротворчества с применением военной силы;
- имеет место влияние пропаганды со стороны Запада о «возрождении имперских амбиций России», которая затрудняет налаживание взаимодействия России с союзниками по ОДКБ при урегулировании кризисных ситуаций;
- отсутствует должное подкрепление предпринимаемых Россией усилий в области миротворчества со стороны ООН.

Всё это свидетельствует об отсутствии отлаженного механизма проведения миротворческих операций в части процедурного согласования выделения и использования военной силы, организации взаимодействия региональных организаций с ООН и отдельными странами.

Существенным недостатком существующего подхода к миротворческой деятельности является применение так называемого «силового миротворчества» с использованием формирований национальных вооруженных сил, объединённых в многонациональные контингенты. Как показывает опыт последних лет, при «силовом миротворчестве» проблема легитимности принятия решений и обоснованности применения военной силы отходят на второй план. Это приводит к тому, что миротворческие операции превращаются в военные интервенции под флагом установления демо-

кратии, защиты прав человека, защиты населения от преступлений правящего режима и пр. Вполне естественно, что Россия не может участвовать в операциях подобного рода.

Практика осуществления миротворческих миссий при урегулировании конфликтов показывает назревшую необходимость концептуальной проработки легитимности, организации, распределения обязанностей, ответственности, финансового и материального обеспечения миротворческих сил на уровне ООН и региональных организаций.

В связи с этим следует отметить, что российско-натовский проект «Общей концепции совместных миротворческих операций» находится в стадии обсуждения уже более двух лет. При этом стороны избегают конкретизации по вопросам совместного применения миротворческих контингентов в таких проблемных регионах как Афганистан, Центральная Азия, Закавказье и Приднестровье.

ОДКБ необходим диалог с ОБСЕ. В этом плане было бы полезным установление контактов с Центром предотвращения конфликтов в Вене и с Международной группой по изучению кризисов, которая имеет отделения в 44 странах и выпустила более 140 подробных докладов с анализом различных конфликтов.

Настало время для установления взаимодействия ОДКБ с Организацией Исламская конференция (ОИК), которая играет всё более заметную роль в Афганистане, на Южном Кавказе, в Пакистане.

Однако при всей значимости ОБСЕ и ОИК налаживание взаимодействия ОДКБ с НАТО в области миротворчества является приоритетной задачей, которую можно было бы решать по следующим направлениям:

- взаимное политическое признание в интересах обеспечения региональной стабильности;
- оказание помощи государствам в создании полноценных политических институтов;
- оказание услуг в решении пограничных вопросов;
- сотрудничество в урегулировании региональных конфликтов как на политическом, так и на уровне миротворческих контингентов;
- подготовка и проведение совместных миротворческих учений и операций для улучшения оперативной совместимости сил ОДКБ и НАТО;
- взаимодействие при проведении контртеррористических операций.
- взаимодействие при ликвидации последствий природных и техногенных катастроф.

Сотрудничество в каждой из вышеуказанных областей может включать обмен аналитической и разведывательной информацией, военно-техническую помощь, а также предоставление транспортных коридоров для переброски войск и их снабжения.

Настало время повышения статуса России, как активной участницы миротворческого процесса, в ООН и ОБСЕ, который должен найти выражение в возможности реального участия нашей страны в разработке и проведении миротворческих операций. Конкретное решение данного вопроса должно быть осуществлено в форме участия России в работе Военно-штабного комитета при Совете Безопасности ООН, отвечающего за оперативными руководством миротворческими операциями.

Усиление влияния США и НАТО в осуществлении миротворческой деятельности ООН не отвечает интересам России. Многонациональные миротворческие силы не должны находиться под эгидой отдельных государств или их коалиций как не соответствующие духу и целям обеспечения международной безопасности и стабильности. «Силовое миротворчество» необходимо ограничить международными рамками «кодекса невмешательства», о необходимости которого поднимают вопрос страны «третьего мира».

Назрела необходимость в проработки вопросов формирования постоянного военного контингента ООН с включением в него контингентов ОДКБ и ОИК, которым можно было бы придать статус действующих самостоятельно, но под эгидой ООН при наличии соответствующего мандата.

Заключение

Анализ трансформации международно-правовых аспектов миротворческой деятельности ООН позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время на смену традиционному миротворчеству приходит его новая форма – миротворчество силовое, при котором миротворческая направленность при обеспечении международной безопасности всё чаще заменяется гуманитарными интервенциями. Эта негативная тенденция после агрессии НАТО в Югославии не только сохраняется, но и усиливается.

С другой стороны, следует признать тот факт, что резкое увеличение числа внутригосударственных конфликтов на межнациональной и межэтнической почве с использованием регулярных вооруженных сил или повстанческих формирований, в которых страдает гражданское население, происхо-

дят нарушения прав человека, разрушается социальная и хозяйственная инфраструктуры стран-жертв конфликта, требуют соответствующей реакции мирового сообщества. Это объективно повышает востребованность силовых миротворческих акций и требует разработки эффективной стратегии противодействия таким угрозам. Однако международное сообщество пока ещё не разработало действенный правовой аппарат урегулирования локальных и внутригосударственных конфликтов. Главной причиной этому является препятствие США и ведущих стран Запада, стремящихся оттеснить ООН и самим возглавить миротворческий процесс, направив его в русло решения собственных политических и экономических интересов.

Крайне важно, чтобы миротворческие операции, включая гуманитарные, проводились исключительно под эгидой и с санкции СБ ООН, что будет гарантировать их беспристрастный и действительно интернациональный характер.

Гуманитарное вмешательство в дела суверенных государств в условиях глобализации становится объективным фактором формирующегося нового мирового порядка. Это тем более важно с учётом тенденции расширения силового вмешательства по гуманитарным, экологическим и другим поводам, что становится своеобразной «философией интервенционализма» в XXI веке.

Как принципиально новое по своей форме и содержанию, это явление современного мира требует тщательного анализа, всесторонней оценки и трансформации существующей международно-правовой базы. В конечном итоге, если такая форма силового вмешательства будет принята мировым сообществом, то необходимо разработать жесткие рамки международного права, в которых она будет применяться.

Эти задачи представляются тем более важными в связи с тем, что «гуманитарная интервенция», как и многие другие процессы и явления, вызванные глобализацией, сочетает в себе как позитивные моменты, так и негативные черты объективного характера, привносимые определёнными заинтересованными силами. Сейчас стала явственно проявляться опасная тенденция своеобразной «приватизации» подобных акций со стороны Соединённых Штатов и НАТО, которые пытаются создать, по праву сильных, собственную правовую базу для обоснования подобных операций, не совместимую с общепризнанными международными законами и соглашениями или даже игнорирующими их.

Библиография:

1. Лукашук И.И. Международное право. М.: Издательство БЭК, 1999, с. 138.
2. Гришаева П. Кризис миротворчества ООН // Обозреватель – Observer. 2008, №4, с. 47-58.
3. Доклад Генерального секретаря о работе Организации Объединённых Наций. 2009. <http://www.un.org/russian>
4. Заемский В.Ф. Теория и практика миротворческой деятельности ООН. М.: МГИМО (У), 2008
5. Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М.: Издательство БЭК, 2006, с. 133.
6. Модин Н. «Гуманитарная интервенция» как метод регулирования международных конфликтов. М.: 2003, с.15.
7. NATO Handbook: The Strategic Concept of the Alliance. 1999.
8. The Universal Declaration of Human Rights. 1948.
9. Wider Peacekeeping. Army Field Manual. UK Army Doctrine Publications. Various editions 1992-1996.
10. Dobbie Ch. A Concept for Post-Cold War Peacekeeping. // Survival, vol. 36, No. 3, Autumn 1994, p. 122.
11. NATO Doctrine for Peace Support Operations. Unclassified Draft, NATO HQ, 28, 28 Feb. 1994.
12. Макфарлей Н.С. Многосторонние интервенции после распада bipolarности // Международные процессы. 2008, № 1, январь-февраль.
13. Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: ИГ «Navona», 2009
14. Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М.: Издательство БЭК. 2006, с. 8.
15. Департамент ООН по поддержанию мира. <http://www.un.org/russian>
16. Responsibility to Protect. Report of the international commission on intervention and state sovereignty. New York, 2004.
17. Манойло А.В. Информационное противоборство в условиях психологической войны. // Закон и право.-2003.-№12. – С. 31-34.
18. Манойло А.В. Несиловое регулирование международных конфликтов. Культурно-цивилизационные парадигмы. // Космополис.-2008.-№2. – С.168-174.
19. Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами. // Политэкс (Политическая экспертиза).-2008.-№3. -С. 62-73.
20. Манойло А.В. Вооруженный мятеж в Украине: волна цветных революций идет на Россию // NB: Международные отношения. – 2014.-№ 1.-С.1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_10750.html
21. Манойло А.В. Модель информационно-психологической операции в международных конфликтах // Право и политика.-2008.-№6. – С.1387-1394.
22. Манойло А.В. Стратегии «управляемого хаоса» в условиях хаотизации международных отношений: миф или реальность? // NB: Международные отношения. – 2014.-№ 1.-С.1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_10750.html
23. Манойло А.В. Вооруженный мятеж в Украине: волна цветных революций идет на Россию // NB: Международные отношения. – 2014.-№ 3.-С.27-35. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.3.11498. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_11498.html
24. Нужен всеобъемлющий подход к кризисным ситуациям. На вопросы журнала «Европа» отвечает Хавьер Солана, Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности // Европа, 2000, № 5.
25. Luttwak E. Kofi's Rule. The National Interest, winter 1999/2000, No 58.
26. Аннан К. Обновление Организации Объединённых Наций: программа реформы. Доклад Генерального секретаря на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк: Изд. ООН, 2001.
27. United Nations Charter. 1948.
28. Устав ООН. <http://www.un.org/ru/doc>
29. Seymor R, Lewis E. A Humanitarian Intervention? // New life project, 20 March 2011. http://www.newlifeproject.org/index.php/site/article_comments/a_humanitarian_inretvention
30. Hodgson J. Libya, Arab Democracy and Western Policy // Open Democracy. March 2011.
31. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос // NB: Международные отношения. – 2015. – 1. – С. 66 – 80. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12665. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12665.html
32. Карякин В.В. Цивилизационная антропология американского экспансионизма: от доктрины Монро к глобальному лидерству // Международные отношения. – 2013. – 4. – С. 487 – 468. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9722.
33. Райхлин Э.И. Сотворили ли они историю или история сотворила их? // NB: Международные отношения. – 2013. – 4. – С. 27 – 46. DOI: 10.7256/2306-4226.2013.4.9421. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9421.html
34. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: политический кризис 2011 года // Международные отношения. – 2013. – 4. – С. 424 – 438. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9721.
35. Валиуллин И.И. Эволюция понятия «информационная война» в политической науке // Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 68 – 74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
36. Тельнега М.П. Цифровая дипломатия (digital diplomacy) как дополнительный политический ресурс международных отношений // Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 11 – 15. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10059.
37. Бородинов Е.Н. Причины и следствия государственного переворота на Украине // NB: Международные отношения. – 2014. – 3. – С. 36 – 59. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
38. Виноградова Е.А. Роль публичной дипломатии АЛБА в урегулировании сирийского конфликта // NB: Международные отношения. – 2015. – 1. – С. 55 – 65. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12619. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12619.html

39. Вепринцев В.Б. Влияние информационной составляющей на взаимодействие геополитических субъектов // NB: Международные отношения. – 2015. – 1. – С. 192 – 212. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12621. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12621.html
40. А. Э. Галумов Перспективы публичной дипломатии и имиджа ЕС в России // Международные отношения. – 2012. – 1. – С. 118 – 127.
41. О. Г. Карпович Формат управления международными конфликтами США и ЕС в современных миротворческих операциях // Международные отношения. – 2012. – 1. – С. 88 – 99.
42. Гушер А.И. Вызовы и угрозы безопасности России // NB: Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 64 – 75. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html

References (transliterated):

1. Lukashchuk I.I. Mezhdunarodnoe pravo. M.: Izdatel'stvo BEK, 1999, s. 138.
2. Grishaeva P. Krizis mirotvorchestva OON // Obozrevatel' – Observer. 2008, №4, s. 47-58.
3. Doklad General'nogo sekretarya o rabote Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. 2009. <http://www.un.org/russian>
4. Zaemskii V.F. Teoriya i praktika mirotvorcheskoi deyatel'nosti OON. M.: MGIMO (U), 2008
5. Melkov G.M. Mezhdunarodnoe pravo v period vooruzhennykh konfliktov. M.: Izdatel'stvo BEK, 2006, s. 133.
6. Modin N. «Gumanitarnaya interventsia» kak metod regulirovaniya mezhdunarodnykh konfliktov. M.: 2003, s.15.
7. NATO Handbook: The Strategic Concept of the Alliance. 1999.
8. The Universal Declaration of Human Rights. 1948.
9. Wider Peacekeeping. Army Field Manual. UK Army Doctrine Publications. Various editions 1992-1996.
10. Dobbie Ch. A Concept for Post-Cold War Peacekeeping. // Survival, vol. 36, No. 3, Autumn 1994, p. 122.
11. NATO Doctrine for Peace Support Operations. Unclassified Draft, NATO HQ, 28, 28 Feb. 1994.
12. Makfarlei N.S. Mnogostoronnie interventsii posle raspada bipolyarnosti // Mezhdunarodnye protsessy. 2008, № 1, yanvar'-fevral'.
13. Nikitin A.I. Konflikty, terrorizm, mirotvorchestvo. M.: IG «Navona», 2009
14. Melkov G.M. Mezhdunarodnoe pravo v period vooruzhennykh konfliktov. M.: Izdatel'stvo BEK. 2006, s. 8.
15. Departament OON po podderzhaniyu mira. <http://www.un.org/russian>
16. Responsibility to Protect. Report of the international commission on intervention and state sovereignty. New York, 2004.
17. Manoilo A.V. Informatsionnoe protivoborstvo v usloviyakh psikhologicheskoi voiny. // Zakon i pravo.-2003.-№12. – S. 31-34.
18. Manoilo A.V. Nesilovoe regulirovanie mezhdunarodnykh konfliktov. Kul'turno-tsivilizatsionnye paradigmy. // Kosmopolis.-2008.-№2. – S.168-174.
19. Manoilo A.V. Psikhologicheskie operatsii: modeli i tekhnologii upravleniya konfliktami. // Politeks (Politicheskaya ekspertiza).-2008.-№3.-S. 62-73.
20. Manoilo A.V. Psikhologicheskie operatsii SShA v Irake. // Kosmopolis.-2008.-№1. – S.124-128.
21. Manoilo A.V. Model' informatsionno-psikhologicheskoi operatsii v mezhdunarodnykh konfliktakh // Pravo i politika.-2008.-№6. – S.1387-1394.
22. Manoilo A.V. Strategii «upravlyaemogo khaosa» v usloviyakh khaotizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014.-№ 1.-S.1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_10750.html
23. Manoilo A.V. Vooruzhennyi myatezh v Ukraine: volna tsvetnykh revolyutsii idet na Rossiyu // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014.-№ 3.-S.27-35. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.3.11498. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_11498.html
24. Nuzhen vseob"emlyushchii podkhod k krizisnym situatsiyam. Na voprosy zhurnala «Evropa» otvechaet Khav'er Solana, Verkhovnyi predstavitel' ES po vneshnei politike i politike bezopasnosti // Evropa, 2000, № 5.
25. Luttwak E. Kofi's Rule. The National Interest, winter 1999/2000, No 58.
26. Annan K. Obnovlenie Organizatsii Ob"edinennykh Natsii: programma reformy. Doklad General'nogo sekretarya na 51-i sessii General'noi Assamblei OON. N'yu-Iork: Izd. OON, 2001.
27. United Nations Charter. 1948.
28. Ustav OON. <http://www.un.org/ru/doc>
29. Seymour R., Lewis E. A Humanitarian Intervention? // New life project, 20 March 2011. http://www.newlifeproject.org/index.php/site/article_comments/a_humanitarian_inretvention
30. Hodgson J. Libya, Arab Democracy and Western Policy // Open Democracy. March 2011.
31. Manoilo A.V. Geopoliticheskaya kartina sovremennogo mira ili upravlyaemyi khaos // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 1. – С. 66 – 80. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12665. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12665.html
32. Karyakin V.V. Tsivilizatsionnaya antropologiya amerikanskogo ekspansionizma: ot doktriny Monro k global'nomu liderstvu // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 4. – S. 487 – 468. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9722.
33. Raikhlina E.I. Sotvorili li oni istoriyu ili istoriya sotvorila ikh? // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 4. – S. 27 – 46. DOI: 10.7256/2306-4226.2013.4.9421. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9421.html
34. Filippov V.R. Burkina Faso: politicheskii krizis 2011 goda // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 4. – S. 424 – 438. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9721.

35. Valiullin I.I. Evolyutsiya ponyatiya «informatsionnaya voina» v politicheskoi nauke // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – S. 68 – 74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
36. Telen'ga M.P. Tsifrovaya diplomatiya (digital diplomacy) kak dopolnitel'nyi politicheskii resurs mezhdunarodnykh otnoshenii // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – S. 11 – 15. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10059.
37. Borodinov E.N. Prichiny i sledstviya gosudarstvennogo perevorota na Ukraine // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 3. – S. 36 – 59. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
38. Vinogradova E.A. Rol' publichnoi diplomatii ALBA v uregulirovanii siriiskogo konflikta // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 1. – S. 55 – 65. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12619. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12619.html
39. Veprintsev V.B. Vliyanie informatsionnoi sostavlyayushchei na vzaimodeistvie geopoliticheskikh sub'ektov // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 1. – S. 192 – 212. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12621. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12621.html
40. A. E. Galumov Perspektivy publichnoi diplomatii i imidzha ES v Rossii // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2012. – 1. – S. 118 – 127.
41. O. G. Karpovich Format upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami SShA i ES v sovremennykh mirotvorcheskikh operatsiyakh // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2012. – 1. – С. 88 – 99.
42. Gusher A.I. Vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – S. 64 – 75. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html